

УДК 811.551 (571.661)

© Т.А. Голованева

К вопросу об особенностях референции в автобиографическом рассказе (на материале корякского и аллоторского языков)

Рассматриваются механизмы референции в автобиографических рассказах на диалектах кочевых коряков, механизмы выстраивания референциального плана, в котором константной точкой является субъект-повествователь, анализируются способы моделирования диалогов в рамках автобиографического рассказа, способы введения ролевых масок и возврата к исходной точке «субъект-повествователь».

Ключевые слова: референция, автобиографический рассказ, субъект-нарратор, субъект-повествователь, жанр, ролевая маска, корякский язык, аллоторский язык, жанр.

Т.А. Golovaneva

To the issue of features of reference in the autobiographical story (on the material of Koryak and Alutor languages)

The article is devoted to studying of mechanisms of reference in autobiographical stories in dialects of nomadic Koryaks. The mechanisms of forming reference plan are considered. Its constant point is a subject-storyteller. The author analyzes the ways of modeling dialogues within the plot of autobiographical story, the ways of introduction the role masks and the ways of return to initial point – «subject-storyteller».

Keywords: reference, autobiographical story, subject-narrator, role mask, genre, the Koryak language, the Alutor language, genre.

Система средств актуализации референтов во многом обусловлена жанровой спецификой текста. В референциальном плане традиционный фольклорный текст отличается от автобиографического рассказа.

Фольклорный текст является отражением всего культурного пространства, пронизанного множеством связей и ассоциаций, поэтому в фольклорном произведении введение референта нередко происходит за счет апелляции к общему фонду знаний этноса, отсылает ко всем тем историям, которые слушатели уже не раз слышали об этом герое.

Вопрос о включении автобиографических рассказов в сферу фольклорных текстов решается неоднозначно. На наш взгляд, автобиографические рассказы не являются фольклорными текстами, так как не передаются из поколения в поколение и являются достоянием конкретного человека. С другой стороны, автобиографический рассказ не является бытовым текстом. Бытовые тексты спонтанны. Им присуща стилистическая незавершенность. Автобиографическим рассказам присуща устойчивая композиция. Эти тексты значимы и устойчивы в пределах повествовательной традиции отдельного человека или его семьи. Таким образом, автобиографические рассказы занимают отдельное место в системе повествовательных жанров.

Стилистика фольклорных текстов достаточно жестко регламентирована. В противополож-

ность фольклорным текстам автобиографические рассказы предоставляют любому рассказчику широкие возможности для воплощения своей повествовательной манеры. Однако, вопреки ожидаемому, для подавляющего числа автобиографических рассказов характерны заданность темы, высокая степень референциальной конкретности, устойчивый фонд стилистических приемов. Существует традиционная повествовательная стратегия, которой рассказчик, вольно или невольно, придерживается. Каждый раз рассказчик стоит перед выбором, как представить героя повествования в тексте. Как показывает анализ текстов, стереотип отчасти предопределяет этот выбор. В процессе создания автобиографических рассказов человек не так свободен, как можно было бы ожидать. Есть стереотипные номинации, которые улавливаются людьми и воспринимаются как данность. Это, конечно, не та стереотипность, о которой мы говорим, когда имеем дело с фольклорными текстами, но это также устойчивость, заданность. В фольклорном тексте по сравнению с автобиографическими рассказами уровень референциальной конкретности значительно ниже.

Независимо от того, о ком идет речь в автобиографическом рассказе, сколько референтов актуализировано в нем, тем не менее в глобальном фокусе автобиографического рассказа всегда находится субъект-нарратор (рассказчик). В том случае, если в таком тексте используется

термин родства, без уточняющих актуализаторов, то подразумевается наличие родственной связи именно с рассказчиком, а не с другими референтами, также находящимися в поле актуального внимания. Приведем пример (1):
^а Гиллин врач Столяров. ^б Ынинэ гиллин Нэв'ан. ^в Эһуалу тытэль нэлһилһигым, мыйэв' тата эһылэки. ^г Был врач – Столяров. ^д У него была жена. ^е Очень жалели меня, потому что папа слепой' (алют. язык, пал. диал.) [1, т. 7, п. 81-83] (здесь и далее т. – текст, п. – предложение). В данном случае возникают формальные условия для референциального конфликта, так как термин родства 'папа' употреблен без уточнения родственной связи (гипотетически возможные варианты: отец рассказчицы, отец врача Столярова, отец жены врача Столярова). Референциальный конфликт разрешается посредством двух факторов: во-первых, приоритетной позиции рассказчицы, во-вторых, рассказчица использует термин родства, предназначенный для узкого домашнего общения. Если бы рассказчица говорила об отце Столярова, она, скорее всего, использовала бы слово *эһнич*, но говоря о своем отце, она использует «домашнее» слово *тата*.

В автобиографических рассказах, как и в фольклорных текстах, нередко присутствуют диалоги. Они моделируются самим рассказчиком. При этом активно используются *ролевые маски*. В автобиографических рассказах абсолютным центром, всегда находящимся в глобальном фокусе, является *я-нарратор*, введение всех остальных ролевых масок требует авторского обоснования, как правило, в предшествующем, но, возможно, и в последующем контексте. При этом *я-ролевая маска* может появляться только в пределах моделируемой реплики.

В традиционных фольклорных текстах *я-нарратор* отсутствует, но *я-ролевые маски* активно используются, однако это не вызывает сложностей в восприятии референциального плана фольклорного текста, так как рассказчик использует сигналы переключения локального фокуса референции.

В автобиографическом рассказе повествователь нередко моделирует диалог, участниками которого являются герои повествования. Одним из таких участников моделируемого диалога может быть сам рассказчик (нарратор, повествователь). В этом случае ролевая маска *я* и истинное *я* рассказчика совпадают. В автобиографическом рассказе возможно сосуществование

нескольких *я*, но только одно *я* соответствует нарратору (истинное *я*), а другие являются ролевыми масками. В примере (2) подчеркиванием обозначены способы актуализации референтов: референт¹ – *я-нарратор*, референт² – старушка. В этом фрагменте переход от *я-нарратора* к *я-ролевой маске* осуществляется без полнозначной лексемы, обозначающей, от чьего лица говорит нарратор, что нетипично. В данном случае (предложения 2 в, г, д) референциальный конфликт предотвращается при помощи использования глагольных показателей (предложение 2 г). Пример (2): ^а Тыкив'нын гымнин Нанко эгги котваһ, амин, ыһпыһэв'кэй. ^б Тыкив'нын: ^в «Эм-кун лымһыль кытвыгын, гезклин, йинны-нын кытвыгын». ^г Кинивыһ: ^д «Ну, ладно, нэһэ, мытвыгаг'ын». ^е Я думаю, моя там сейчас есть, ну, старушечка. ^ж Я сказала ей: ^з «Сказку расскажи, что-нибудь расскажи». ^и Сказала мне: ^к «Ну, ладно, расскажу ее» (кор. язык, чавч. диал.) [2, т. 6, п. 7-11].

Нет необходимости вторично использовать номинацию или использовать анафорические местоимения, если глагольные аффиксы служат надежным средством установления референции. Референты *я* (нарратор) и *он* в корякском и алютторском языках в принципе не могут вступать в конфликт, даже если *он* начинает проявлять себя как *я*.

Субъект-нарратор может без всяких помех появляться в любом локальном фокусе, без всяких предварительных вводных подготовительных фаз фокусирования, тем более что в корякском языке личные глагольные аффиксы всегда четко устанавливают отсылку к референту *я*.

В примере (3) представлено 4 референта: референт¹ – *я-нарратор* (рассказчица Лилия Аймик), референт² – Аймык (отец рассказчицы), референт³ – Ытгынынкей (муж рассказчицы), референт⁴ – Аймык (сын рассказчицы). Рассказчица использует ролевую маску: *я* – 'отец рассказчицы', по отношению к которому *ты* – 'муж рассказчицы'. *Я-ролевая маска* и *я-нарратор* не смешиваются: ^а Еһты ыһнин Аймык айтока, Г'ытг'ыһинкэйнэк етыһ гымнин эһнич гэлэг'улин. ^б Эһничитэ кив'ныһин: «В'ото в'ала, кэкмитын, титэ, мэль... мэльтитэ пыче... гым... гыммо таэтыһ». ^в Нанко тэв'нывок... ^г Еще этот Аймык не родился, Ытгынынкей во сне моего отца увидел. ^д Отец сказал ему: «Вот нож возьми, когда, вскоре... я приду». ^е Тогда я подумала... (кор. язык, чавч. диал.) [2, т. 9, п. 33-35]. На этом примере хорошо видно, что переход к *я-ролевой маске* требу-

ет обоснования, употребления номинации: 'отец' (3 б), а возврат к я-нарратору происходит естественным образом (3 в) без однозначной номинации, хотя, вероятно, определенную роль в этом переходе играет местоименное наречие *Һанко* 'там', так как проекция времени и пространства выстраивается относительно дейктического центра субъекта-нарратора.

Если вводится я-ролевая маска, то это требует предварительного обоснования. Если вводится я-нарратор, то никакого обоснования не требуется. Это обусловлено тем, что я-ролевая маска актуальна только в пределах локального фокуса, а я-нарратор находится в глобальном фокусе, поэтому без предупреждения может проявляться в любом локальном.

Автобиографическим рассказам очень близки по своей стилистике семейные предания. Иногда семейные предания входят в автобиографический рассказ на правах вставного эпизода. В семейных преданиях рассказчик передает те семейные истории, свидетелем которых сам не являлся, но передает как абсолютно достоверные. Сами семейные предания нередко формируются на базе автобиографических рассказов. И это влияние хорошо заметно. В приведенном (4) фрагменте: референт¹ 'отец рассказчицы Аймык', референт² 'старуха Качерна': ^а *Эньтич гымнин Аймык нив'жин, льгэрак ... в'учкымчыку и ятан мильгын то эекэт.* ^б *Нив'жин: ыннин чэючгын тынчичг'этын, нив'игым: сахар Һанко нывтакэн.* ^в *Тытырын ыннэн сахар то...* ^г *Бэлюк уйһэ микынэк эльг'укэ, койһычыкойтын тынпыльбавын сахар.* ^д *Чачамэ лиги нив'ын Һанкэн Һачерна.* ^е *Нычайгым, нычайгым.* ^ж *Нив'жин: «Этг'у минэтг'ын?».* ^з *Нив'гым: «Э».* ^и *Нэмэ инэтг'ыннин койһын.* ^а Мой отец Аймык говорил: «В яранге в темноте только огонь и две свечки». ^б Сказал: «Этот мешок я проверил, я подумал: сахар там находится. ^в Я снял один (кусок) сахар(а) и... ^г Ведь никто не видел, (что) в кружку я утопил сахар. ^д Старуха даже не узнала, та Качерна. ^е Пью чай, пью чай. ^ж Говорит: «Еще налью ее (кружку)?». ^з Я говорю: «Да». ^и Снова налила кружку' (кор. язык, чавч. диал) [2, т. 8, п. 11-19]. В начале этого эпизода референт 'отец' представлен при помощи трехкомпонентной именной дескрипции: *эньтич гымнин Аймык* 'отец мой Аймык', соответственно используются глагольные показатели 3-го лица: *н=ив=жин* 'IPFV=говорить=3sgS'. Далее после авторской ремарки *н=ив=жин* 'сказал' происходит смена проекции: теперь в качестве я выступает не я-нарратор (рассказчица Лиля Ай-

мык), а ее отец Аймык, повествование уже строится от лица его я. Интересно, что я-ролевая маска может использовать еще одну ролевую маску. В приведенном фрагменте (4) видно, как это происходит (4 е, ж, з). Я-ролевая маска референта 'отец' как бы надевает на себя другую ролевую маску я – 'старуха Качерна', при этом эпизод совершенно понятен адресату, двусмысленности не возникает. Сигналами 'надевания' ролевой маски служит, во-первых, глагол *ивык* 'сказать', во-вторых, интонация рассказчицы. Если прослушать аудиозапись этого фрагмента повествования, можно совершенно явно услышать, как в устной речи при помощи интонации, изменения тембра голоса снимается референциальный конфликт.

В ходе моделирования диалога в рамках автобиографического рассказа я-нарратор может выступать и в роли *ты* (тот, к кому обращается я-ролевая маска), и в роли *он* (тот, о ком говорит я-ролевая маска). В таких эпизодах проекция выстраивается от лица того, кого рассказчик представляет как приоритетного протагониста (сигнал приоритетности – использование местоимения я). Проекция выстраивается как бы с точки зрения маски. И эта проекция воспринимается слушателями совершенно естественно, без ощущения референциальной двусмысленности. Однако введение такой приоритетной ролевой маски обязательно должно сопровождаться «авторской» ремаркой. В следующем фрагменте (5) отражено, как Александра Алексеевна Симонова моделирует диалог отца со своими детьми, в том числе и с ней (референт¹ 'я-нарратор (Мамак – так звали в семье А.А. Симонову)'; референт² 'отец рассказчицы А.А. Симоновой, Яко Кергильбот'; референтная группа³ 'дети Яко, в том числе и рассказчица' Переход от я-нарратор к я-ролевая маска 'отец' происходит при помощи глагола речи: *һа=к=ев'ла=мык* 'он=сказал=нам' (5 в). При этом референт² 'отец' кодируется при помощи гиперроли Агенса, а референт¹ я-нарратор – при помощи гиперроли Пациенса. Такое распределение ролей в структуре глагола речи (он=сказал=нам) уже является предупреждающим сигналом смены я-нарратор на я-ролевая маска. И далее на протяжении довольно длительного эпизода в качестве я фигурирует отец рассказчицы. Пример (5):

^а *Епты аһа вама, мүчгин эньтич бонһың... мую Ныёчаёмое Навакыкамое.* ^б *Гыммо Мамак, в'уччин Маммучг'ын то йичг'амийшумгын мүчгин Лёвык.* ^в *На...на... һанывтагалдамык то һакэв'ламык:* ^г *«Титэ тыевиг'ың, кытол Мам-*

мучг'ынак энайтока.^д Тыттэль ныйылбықин
ыныяқ долог'а еникэ... йинэнтив'чевын.^е То Лё-
выкынак кытол энайтока.^ж Янвоу
ив'в'ичелг'этык, тыянвоу гытг'этык.^з Ятан
гыmmo Мамакынак нэнайтон.^и Мыев' ынно
инг'э нык'ев'қин то нывэтээн.^к Быём нинэлтил-
гэв'(гым).^л Мэтг'ан тыемэйнытын.^м То
тыеетын қойын мэлгыңэву гыmmo то ты-
енг'элың мэйныг'уемтэв'илг'ынэку.^н Все.^о То
титэ епто эвиг'ыкэ энытыч, епто уекэ
вэг'ыгыңын, эвын.^п «Мамак, титэ тыевиг'ың,
гынан энайтон». ^п «Мамак, когда умру, ты ро-
дишь меня». ^р И титэ гыmmo уже тыңынқэвык,
Лариса нанқычыко тықунтыңын, ынпычг'ын
навакык, етың тықулэг'уңын: аппа тынопыңо
кутэкэетын то кукумұатын: «Мамок!».^а Еще
папа при жизни, наш папа всегда... трое мы, три
дочери мы. ^б Я Мамак, это Маммучтын и брат
наш Лёвык. ^в Поставил нас и говорит нам:
^г «Когда я умру, не рожай меня, Маммучын.
^д Очень спать любит, так грудью меня задавит.
^е И Левык, не рожай меня. ^ж Начнет пить (вод-
ку), я начну голодать. ^з Только Мамак пусть
меня родит. ^и Потому что она рано встает и ра-
ботающая. ^к Не будет меня голодом морить.
^л Хорошо вырасту. ^м И приду сюда русской де-
вочкой и стану большим человеком. ^н Все. ^о И
когда папа еще не умер, еще далеко смерть (бы-
ла), сказал: ^п «Мамак, когда умру, ты родишь
меня». ^р И когда я уже беременная была, Ларису
в животе носила, старшую дочь, во сне увидела:
папа с сопки спускается и кричит: «Мамок!»^а (кор.
язык, чавч. диал.) [3, т. 2,3, п. 1-16]. Рас-
смотрим подробно способы актуализации рефе-
ренентов в данном моделируемом диалоге.

В пределах данного эпизода приоритетной
остается позиция я-ролевая маска 'отец рассказ-
чицы', что выражается в кодировании нарратора
как референта 3-го лица. В данном эпизоде (5)
она – это сама рассказчица (А.А. Симонова),
представленная через проекцию ролевой маски
'отец'. Мы видим, что введение ролевой маски
обязательно требует авторской ремарки, сигна-
лизирующей о смене позиции я, но выход 'из
роли' совершенно не требует никаких сигналов.
Завершение текста не требует возврата к я-
нарратору.

Приведенный фрагмент (5) из рассказа
А.А. Симоновой представляет собой границу
между завершением одного эпизода и началом
другого эпизода. Четкой границей этого перехо-
да служит предложение, произнесенное рассказ-
чицей на русском языке «Все» (5 н). Интересно,
что новый эпизод требует нового обоснования

введения я-ролевой маски – той же (!) ролевой
маски, которая была приоритетной в предыду-
щем эпизоде.

Рассказчица использует глагольную форму
деепричастия эвын 'сказать=E=CV.dat'. В отли-
чие от финитной эта форма не может отразить
распределение ролей между я-нарратором и я-
ролевой маской, и в этом случае распределение
ролей устанавливается при помощи обращения к
рассказчице, включенного в структуру цитаты
(5 о, п).

Как происходит переход от я-ролевой маски
к я-нарратору, можно проследить по предложе-
ниям (5 п, р). В предложении (5 п) референци-
альная проекция выстраивается с точки зрения
я-ролевой маски, а уже в следующем предложе-
нии (5 р) приоритетный протагонист я-нарратор.
Адресат понимает, что произошла смена я. Это
понимание базируется на анализе контекста.
Возврат к естественному дейктивному центру
автобиографического рассказа происходит
мгновенно. В данном случае сигналом переключе-
ния референции, возвратом к я-нарратору
служит использование местоименного наречия
титэ 'когда', которое относится уже к другой
системе пространственно-временных координат
(с другим центром), нежели местоименное наре-
чие титэ 'когда', употребленное в рамках реп-
лики отца рассказчицы.

В подавляющем большинстве случаев в авто-
биографическом рассказе введение ролевой
маски предваряется авторской ремаркой. Редко
встречаются случаи, когда авторская ремарка
появляется в последующем контексте. В сле-
дующем фрагменте (6) референт¹ 'я-нарратор',
референт² 'бабушка рассказчица': ^а Їэммэк
төкуйельэтың. ^б – Аня, г'ам гэмнан төлэг'ун
эле в'төки г'өтг'өлг'өн. ^в Муйөк чеймөк галай, –
^г йайельэанма гэмнан малета ?энно
тивөн.^д Їэйгут тинмөлг'игэм. ^е – Пэ! Пэ!
^ж Йэнгэкиншин каминчөкукин йөнньөн.^з Инг'э
цэвонэн өмөң елькучөкун малэк.^и – Гэммо
төкивөң – ^к Өна гэйэқлин уйэтикийөчг'өн
вг'айок иччөтвий.^л Қиңан ңано ңэнвэтгэйңан
йайтэтан тақуг'аг'ан. – ^м ивц аня гэмкэн. ^а Я
почти сплю. ^б – Бабушка, а я видел безголового
ездока на собаках. ^в С нами рядом проехал. ^г –
засыпая, я потихоньку ей сказал. ^д Конечно,
врун я. ^е – Пе! Пе! ^ж Выхватила из печки горя-
чий уголек. ^з Быстро стала все помещение ма-
зать. ^и Я думаю: ^к Что это такое, груз на нарте
тяжелый стал. ^л Оказывается, это нинвита домой
я ташу. – ^м сказала бабушка мне' (кор. язык,
чавч. диал.) [4, т. 3, п. 43-54].

К сожалению, мы не имеем возможности прослушать аудиозапись этого автобиографического повествования и не можем услышать, как меняется тембр голоса и интонация рассказчика. При чтении текста мы реагируем на знак *тире* ‘ – ’, который и сообщает нам о смене *я*. Предположим, что в этом тексте нет никаких знаков препинания, тогда в письменной фиксации этого устного текста факт перехода от *я*-нарратора к *я*-ролевой маске (б з, и) можно установить только на основании последующего контекста. Совершенно очевидно, что предваряющие авторские ремарки, сигнализирующие о грядущей смене *я*, являются более надежным средством установления референциальной определенности, именно по этой причине они более востребованы в речи. В автобиографическом рассказе-воспоминании *я*-нарратор тоже отчасти является ролевой маской. В данном эпизоде (6) *я*-маленький не совсем тождествен *я*-нарратору. *Я*-нарратор уже с позиции своего жизненного опыта оценивает *я*-маленького, в связи с этим появляются такие оценочные характеристики *я*, которые требуют объективного отстранения.

В мифологической сказке, в отличие от автобиографического рассказа, нет истинного *я*. *Я*-нарратор отсутствует. Все *я*, появляющиеся в

ходе развертывания сюжета мифологической сказки, являются ролевыми масками.

Референциальный план автобиографических повествований, в подавляющем большинстве случаев, предполагает константную точку отсчета выстраивания. Возможные референциальные конфликты в автобиографических рассказах разрешаются в пользу субъект-нарратора. Автобиографические рассказы не располагают устойчивой системой референтов, каждый раз она выстраивается заново, относительно темы беседы и интересов слушателя. Однако стратегия выстраивания референциального плана автобиографического рассказа неизменна. Доминирующую позицию занимает *я*-нарратор, все остальные референты актуализируются относительно этого центра.

В процессе моделирования диалогов в ходе автобиографического повествования рассказчик нередко обращается к *я*-ролевым маскам. Каждый раз введение ролевой маски требует обоснования, т.е. использования лексических актуализаторов. В то же время возвращение к *я*-нарратору не требует специальных маркеров переключения, так как *я*-нарратор всегда находится в глобальном фокусе внимания автобиографического рассказа.

Принятые сокращения

т. – текст, п. – предположение; кор. язык, чавч. диал. – чавчувенский диалект корякского языка; алот. язык, пал. диал. – паланский диалект алоторского языка; 1, 3 – лицо, А – агенс, CV – деепричастие, dat – датив, Е – промежуточный гласный, IPFV – имперфектив, P – пациенс, S – субъект, sg – единственное число, VBLZ – вербализатор.

Литература

1. Жукова А.Н. Язык паланских коряков. – Л.: Наука, 1980.
2. Тексты, записанные в июне 2010 г. от Карпеченковой (Аймик) Лилии Александровны, 1970 г. р., уроженки с. Ачайваям (личный архив).
3. Тексты, записанные в июне 2010 г. от Симоновой (Кергильхот) Александры Алексеевны, 1951 г. р., уроженки с. Ветвей (личный архив).
4. Жукова А.Н. Материалы и исследования по корякскому языку. – Л.: Наука, 1988.

Голованева Татьяна Александровна, инженер сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук.

Golovaneva Tatyana Alexandrovna, engineer, sector of folklore of Siberian peoples, Institute of Philology SB RAS, candidate of philological sciences. Tel: 8-9140527760; e-mail: gta-77@mail.ru

УДК 811.512.212

© Л.Д. Раднаева, Е.Ф. Афанасьева

Разработка звукового фонда современного эвенкийского языка в Бурятском государственном университете

Статья посвящена проблемам изучения, преподавания и документирования звуковой формы современного эвенкийского языка и разработке мультимедийного фонда эвенкийского языка по результатам полевых экспедиций в регионы компактного проживания эвенков на территории России и Китая.

Ключевые слова: эвенки, эвенкийский язык, говоры, эвенки Китая, звукозаписи, дикторы, полевые экспедиции, мультимедийный фонд языка.